

Оригинальная трактовка документирования и документа

Рассмотрены предложения, изложенные Н. Б. Зиновьевой в учебно-методическом пособии «Теория документирования» (Москва, 2011), относительно формирования теории документирования как особого направления науки о документе. Проанализированы представления о месте документирования среди родственных направлений деятельности, соотношении понятий "документированная информация" и "документ", статусе документа, классификации документов.

Ключевые слова: документоведение, теория документирования, Зиновьева Н. Б., документированная информация, документ, материальные носители, текстовое документирование, изобразительное документирование.

Наука о документе прошла долгий путь развития, если учитывать возникновение различных знаний о способах создания и использования документа. В то же время наиболее активно она стала развиваться только в XX в., когда в Европе сформировалось научное направление документации-документологии, а в Советском Союзе – наука под названием *документоведение*. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались активизацией документоведческих исследований, однако многие теоретические вопросы всё ещё остаются дискуссионными. Поэтому каждое новое исследование или новое обобщение знаний вызывает интерес и стремление разобраться в новациях.

Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и информационной культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств *Нонна Борисовна Зиновьева* предложила свою концепцию документирования и документа, разработанную в ходе подготовки курса лекций по учебной дисциплине «Документоведение».

Книга Н. Б. Зиновьевой «*Теория документирования*» [1] издана как учебно-методическое пособие, но имеет все шансы называться научной монографией, поскольку автор видит свою задачу в обосновании нового научного направления, «нового варианта теоретической конструкции науки о документе» (с. 6).

Как известно, термин *документирование* имеет два значения: 1) процесс создания документа, 2) процесс подтверждения чего-либо документами. Содержание монографии Н. Б. Зиновьевой даёт основание предположить, что автор избрала первое толкование.

Н. Б. Зиновьева предложила «теорию документирования» как «относительно новое научное направление в рамках науки о документе» (с. 157), однако, вне документоведения. «Документоведение ... следует дополнить другим направлением исследования – теорией документирования», – считает Н. Б. Зиновьева (там же). По мнению автора, «это новое исследовательское поле становится возможным благодаря применению деятельностного подхода. Суть деятельностного подхода заключается в исследовании в первую очередь процесса. А результата – лишь как заключительной фазы процесса» (там же). Автор замечает: «Ранее негласно считалось, что главным термином является документ, а документирование – это производный термин. В теории же документирования собственно документирование – основной, базовый термин как метод отображения реальности, а второстепенным, производным от него выступает документ» (там же).

Высказанный тезис вызывает сомнение. Деятельностный подход как изучение процесса предполагает установление субъекта и объекта, способов и средств деятельности, необходимых для достижения определённого результата, что является целью деятельности. Очевидно, что документирование только потому называется документированием, что в результате его создаётся документ.

Несмотря на убеждение автора в том, что *документ* – это термин, производный от *документирования*, ни в филологическом, ни в логическом (деятельностном) отношении с этим утверждением нельзя согласиться. Что такое *документирование* – можно понять только в том случае, если мы знаем цель и результат данного

процесса. Как результат деятельности зависит от процесса, в котором он создаётся, так и характеристика процесса зависит от того, что понимается под его результатом.

Однако не будем менять последовательность изложения, предложенную Н. Б. Зиновьевой: сначала – о документировании, его месте среди других видов деятельности, способах, и только в конце – о его результатах.

К изложению теории документирования автор подходит постепенно. В первой главе рассматриваются «информационные предпосылки документирования»: «понятие, концепции и свойства информации», «материальный носитель информации и его конструктивная форма» и, наконец, сущность документирования. Н. Б. Зиновьева объясняет процесс передачи информации с помощью «сигналов», называя это толкование «сигнальной концепцией информации». Отдельно рассматривая «кибернетическую концепцию» информации Н. Винера, автор толкует её как передачу социальной информации, в которой «сообщение закодировано передающим субъектом в определённую последовательность выразительных единиц (знаковую систему), составляющую текст, обладающий смыслом». Вывод: «если в качестве канала используются не природные воздушная и электромагнитная среды, а другие (жесткие) материальные носители и средства их транспортировки, то речь идёт о передаче документированной информации» (с. 11).

На мой взгляд, «сигнальная» и «кибернетическая» концепции информации не могут противопоставляться друг другу. Концепция передачи информации Н. Винера как раз построена на анализе схемы передачи сигнала от его отправителя до получателя, и разработана для объяснения работы технических систем, а не процесса передачи информации в обществе. Только впоследствии исследователям стало ясно, что общая схема информационной коммуникации может применяться для характеристики передачи любой информации в любой системе.

Противопоставление воздушной и электромагнитной сред «другим (жестким) материальным носителям» тоже не совсем удачно, потому что восприятие информации человеком с любого носителя осуществляется так же, как это охарактеризовано Н. Б. Зиновьевой в отношении аудиальной и визуальной информации, не закреплённой на вещественном носителе.

Характеристика свойств информации построена в целом на известных положениях: атрибутивные свойства – дискретность, рассеяние, старение; прагматические – полнота, достоверность, полезность, ценность; «другие» (кстати, непонятно, чем обусловлены эти «другие» свойства) – возможность многократного использования и анонимного копирования. Полагаю, что этим перечнем свойства информации не должны исчерпываться. Однако Н. Б. Зиновьева даёт краткую характеристику только этих свойств и приходит к выводу: «Преуменьшить неполноту и недостоверность информации помогает документирование, в результате которого происходит как бы материализация и овеществление сведений» (с. 14). На мой взгляд, документированию в данном случае приписаны не его свойства, поскольку повлиять на качество зафиксированной информации оно не в состоянии. Единственное, что обеспечивает документирование – это стабильность текста, что совершенно верно подчёркивает автор.

Особое внимание Н. Б. Зиновьева уделяет требованиям к материальному носителю информации, пригодному для документирования. Среди таких требований названы: способность к восприятию человеком, долговечность, компактность, транспортабельность, прочность, эластичность (как способность к восстановлению текста после его частичного повреждения), износостойкость, светостойкость, биостойкость, недорогая технология изготовления, её экологическая безопасность. Рассмотрены недостатки современных носителей, бумажных и электронных; зависимость конструкции носителя от свойств материала, из которого он изготовлен.

В заключение автор выделяет «разновидности графического документирования», перечисляя на самом деле виды документов в зависимости от способа знакового представления информации: «буквенно-цифровой, нотный, чертёжный, картографический, художественно-графический (рисуночный)» и способа создания документа: рукотворные (рукописные), изготавливаемые с помощью машинной техники, «а также с применением различных технологий (киновидеодокументы, аудиодокументы)» (с. 18). Электронные документы противопоставлены «всем ранее названным – традиционным документам», поскольку они «по принципу синкретичности могут решать одновременно в плане документирования несколько задач» (с. 19).

Оригинальна трактовка статичных и динамичных «разновидностей документирования»: «Статичные

фиксируют фрагмент реальности в неизменном виде и «держат» это состояние. Динамичные варианты документирования осуществляют систематическое отслеживание изменений наблюдаемого объекта...», причём «динамичный вариант документирования информации состоит из множества хронологически последовательных статичных» (там же). Поскольку результатом документирования должны быть документы, то и их виды могут быть названы соответствующими терминами с тем же толкованием.

Ранее в документоведении предлагались иные толкования понятий статичных и динамичных документов [2. С. 199–200]. Так, Э. К. Беспалова и С. Г. Кулешов динамичными называли документы опубликованные, доступные для широкого распространения. Авторы, пишущие об электронных документах, большинство из них относят к динамичным по другому признаку – лёгкости внесения изменений в зафиксированный текст. Или же статичными называют документы, доступные только в месте хранения, а динамичными – доступные в режиме «отдаленного доступа» через телекоммуникационную сеть.

Документ, по своему замыслу состоящий из множества других документов, количество которых может увеличиваться или, наоборот, уменьшаться (например библиотечный каталог или база данных), тоже предлагалось называть динамичным, либо меняющимся, либо переменным, либо интегрируемым, в отличие от стабильного или законченного документа. Вообще понятие «динамичности» документа ещё не получило однозначного толкования.

Несколько неожиданным примером «динамичного документирования» выглядит «средневековое летописание», поскольку летописи, как известно, «фиксируют фрагменты реальности в неизменном виде», записи о тех или иных событиях дублировались в разных летописях, а новые сведения вносились далеко не каждый день.

Утверждается, что сущность документирования – «это фиксация информации в структуре материального носителя» (с. 19). На первый взгляд, определение традиционное, смущает только выражение «в структуре» материального носителя. Считать ли поверхность материального носителя его структурой? Разъяснений по этому поводу нет.

Автор поясняет, что в основе документирования лежит «замещение» фрагмента реальности моделью – текстом, запечатленным на носителе. «В результате документирования происходит удвоение документированного объекта: сам оригинал и его модель» (там же). Этот тезис вызывает ряд вопросов. Что такое «документированный объект», или объект документирования?

До сих пор объектом документирования считалась информация. Если недокументированная информация является объектом документирования (оригиналом), то документированная информация – её модель? Однако далее автор пишет: «Фиксация фрагмента реальности, пространственного положения объектов, их взаимоотношений, качественных определенностей такими, какими они были в момент фиксации, – вот социальная миссия документирования» (с. 20). Полагаю, что отображение реальности является миссией человеческого мышления, в результате чего создаётся знание, которое становится информацией, если оно включается в процесс коммуникации, а в процессе документирования происходит только фиксация информации.

Далее сказано, что «документирование начинается в мышлении субъекта», где «происходит перекодирование ... выразительных единиц» и только после этого «закрепление текста на носителе» (с. 22). На мой взгляд, из перечисленных операций к собственно документированию относится только последняя.

Результатом изложенного процесса Н. Б. Зиновьева считает «документированную информацию», однако её получение ещё не означает конец процесса документирования: к нему относится всё, что происходит далее с документированной информацией до её архивирования либо уничтожения (с. 23). Несмотря на то, что документированная информация, по мнению Н. Б. Зиновьевой, ещё не документ, перечисленные операции характерны для оперирования готовыми документами, т.е. уже не относятся к процессу его создания как «фиксации информации в структуре материального носителя». Таким образом, отмечаем противоречия в характеристике документирования.

Авторская трактовка процесса документирования наиболее чётко представлена в главе 2 «Документирование в структуре социально-информационных коммуникаций» (с. 24–37). Н. Б. Зиновьева утверждает: документирование – это «второй уровень социально-информационных коммуникаций» (с. 24).

По-видимому, подразумевается, что первый уровень – это передача информации в процессе устного общения коммуникаторов, что в целом не противоречит традиционной трактовке документирования.

Отличие обнаруживается в следующем заявлении: «Суть документирования – в отображении реальности» (с. 25), а специфика его – в акценте на достоверность отображения (с. 27). Для уточнения специфики документирования Н. Б. Зиновьева выделяет «родственные документированию процессы»: литературное творчество, художественно-изобразительное творчество, научно-исследовательскую деятельность, публицистическую деятельность, деятельность СМИ (с. 25).

Не будем спорить о правомерности выделения этих (и только этих) видов деятельности и их разграничения (хотя «деятельность СМИ» трудно представить без публицистической деятельности). Важны следующие замечания: «Эти виды деятельности используют методы, близкие документированию...» (там же) (очевидно, связанные с фиксированием информации в (на) материальном (вещественном) носителе); «это родственные документированию процессы...» (с. 26). Н. Б. Зиновьева кратко характеризует особенности каждого из названных видов деятельности, подчёркивая, что каждому из них присуще «отображение реальности». Отличия от документирования она видит в разной степени достоверности отображения, «достоверности предоставляемых сведений» (там же). «Если же достоверность в этих видах деятельности выходит на первый план, то в таком случае мы имеем дело с документированием, ... а в целом продукт этой деятельности можно рассматривать как адекватное, правдивое, детально точное отображение реальности» (там же).

Таким образом, концепция Н. Б. Зиновьевой предполагает, что документирование осуществляется во всех перечисленных направлениях деятельности, но только в том случае, когда отображение реальности практически лишено авторского отношения, осмысления и оценки.

Схема 1 «Место документирования среди родственных направлений деятельности» (с. 27) показывает пересечение названных «направлений отображения реальности» (с некоторыми изменениями в названиях), каждого с двумя другими, но не каждого с каждым, что, на наш взгляд, не полностью характеризует их взаимное соотношение. Расположение документирования в центре схемы, по-видимому, предполагает его пересечение с каждым «направлением деятельности», но графически это не показано, поскольку документирование остаётся за пределами перечисленных «направлений».

Н. Б. Зиновьева полагает, что «можно очертить три круга, определяющих границы документирования: первый, наиболее широкий, обнимающий не только документирование и его продукты, но и продукты всех остальных родственных направлений отображения реальности; второй, средний, обусловленный единством используемого метода документирования, позволяющий некоторую трансформацию этого метода в соответствии с целями родственных направлений деятельности; третий, самый узкий – «чистое» документирование» (с. 28).

Выясняется, что «чистое документирование» – это «документирование управленческой деятельности, трудовых взаимоотношений, социального положения граждан и возникающих в связи с ним возможностей и обязанностей, производственной, хозяйственной, учётной, правоохранительной, судебно-следственной и других сторон социальной жизни», главное в нём – «достоверность отображаемого» (там же).

В результате последующее изложение своей теории Н. Б. Зиновьева посвящает преимущественно характеристике «чистого документирования», а продукты всех других родственных направлений деятельности не рассматриваются ни как «документированная информация», ни как документы.

Охарактеризовав процесс документирования, Н. Б. Зиновьева заявляет: «Следует различать понятия «документированная информация» и «документ». Документированная информация – предварительный материал, не прошедший процедуры редакции, придания конкретной формы, утверждения, подтверждения достоверности» (с. 29). По мнению автора, документированная информация может стать документом в двух случаях: 1) когда получит реквизиты (что является «первичным документированием»); 2) если по прошествии времени она войдёт в архивные или музейные фонды («вторичное документирование»). При этом в обоих случаях обязательна проверка достоверности отражаемой информации.

Любопытно следующее утверждение: по истечении срока хранения документ снова превращается в

«документированную информацию» (с. 31). Неясно только, отчего это происходит, ведь заявленные выше отличия документа – проставленные в нём реквизиты и подтверждённая ранее достоверность информации – остаются неизменными.

Н. Б. Зиновьева придаёт особое значение достоверности документирования. Точнее, речь идёт о достоверности отображения реальности посредством документирования: «Достоверность текста, содержащейся в нём информации, означает, что в нём семиотическими средствами верно, адекватно отражен фрагмент реальности – описан какой-либо объект, процесс, предпринимаемые действия, принимаемые решения» (с. 35). На мой взгляд, в приведенной характеристике достоверности текста следовало бы ввести разграничения, касающиеся возможности определения достоверности содержащейся информации и «достоверности» (точнее, автентичности) самого документа. Последняя обеспечивается тем, что содержащиеся в документе реквизиты соответствуют реальным сведениям об авторстве, месте и времени создания документа и т. п. Достоверность информации, изложенной в документе, только частично зависит от его автентичности, а больше – от намерений автора документа, что, в общем, показано Н. Б. Зиновьевой.

Глава 3 посвящена эволюции способов документирования, которая, по мнению автора, проявляется в нескольких направлениях: эволюция материальных носителей и средств закрепления информации на носителе; эволюция текстовой формы документирования; эволюция конструктивной формы документа. Предложен комплексный анализ перечисленных направлений эволюции документирования, однако больше всего здесь говорится о способах закрепления информации на материальном носителе, пригодных для любой деятельности, что лишней раз свидетельствует о том, что документированием является не только отображение управленческой деятельности. Автор выделяет этапы: протодокументирования, рукописного документирования, применения машинной техники, электронного документирования. Эта глава изобилует фактами, касающимися не только истории управленческих документов, но достаточно интересными и полезными для документоведения в целом.

Глава 4 – «Характеристика современных способов документирования». Н. Б. Зиновьева различает два способа документирования: текстовое и изобразительное.

Первый – это «фиксация информации любым типом письма или любой системой звукозаписи» (с. 64). Для характеристики текстового документирования вводится понятие *текст* в следующей формулировке: «Информация становится текстом тогда, когда она осознана субъектом, переведена из малодифференцированных образов, образующихся в мышлении, в совокупность выразительных единиц, доступных фиксации и транспортировки через пространство» (с. 54). Полагаем, что в такой формулировке не отражено главное отличие того значения понятия *текст*, которое используется Н. Б. Зиновьевой: в тексте информация выражена словами, за небольшими исключениями (цифры, формулы, ноты). Если же ориентироваться на приведенную выше дефиницию, то текстом можно считать не только вербальную, но и любую зафиксированную информацию, предлагаемую в процессе коммуникации, т.е. и изображения, и музыкальные произведения в звуковой записи, и аудиовизуальные документы.

Автор предъявляет к тексту особые требования: он должен быть построен «в соответствии с правилами грамматики и синтаксиса», представлять собой систему, «где все элементы – смысловые единицы – находятся в некотором соотношении (гармонии)», иметь строгую композицию (с. 65). Исходя из таких требований, не каждое словесное произведение можно назвать текстом. Может быть, следует говорить о том, что *идеальный* текст должен отвечать указанным требованиям, что к этому следует стремиться в процессе документирования, но не исключать неидеальный текст из возможных результатов текстового документирования?

Несколько сложнее понять «следование принципу целеполагания»: «Текст должен сформировать цель у адресата» (там же). Полагаю, что прежде всего цель создания текста должна быть ясна автору документа.

Тексты (очевидно, словесные) подразделяются на устные и письменные. В зависимости от используемой знаковой системы выделяются разновидности письменного текста: буквенный, иероглифический, нотный, цифровой, формульный (с. 68).

По способу закрепления информации на носителе письменное документирование делится на рукописное и машинописное. Различаются следующие способы закрепления элементов текста на носителе: путём

нанесения краски на носитель; резьбой, процарапыванием; протравливанием химическими соединениями; перфорацией; продавливанием; воздействием лазером; воздействием на магнитное поле; воздействием электромагнитным полем на красящий порошок, воздействием света на светочувствительную плёнку. При такой характеристике способов закрепления информации на носителе, названных видов письменного документирования (рукописное и машинописное) явно недостаточно. С другой стороны, все перечисленные способы закрепления информации вполне могут применяться и при изобразительном документировании, следовательно, их надо рассматривать не только применительно к текстовому письменному документированию.

Второй способ текстового документирования, по Н. Б. Зиновьевой, это «документирование звука – фонодокументирование», «фиксация звуковой информации любой системой звукозаписи: механической, электромеханической, магнитной, оптической» (с. 69). К сожалению, осталось неясным, какая информация фиксируется при этом способе: только вербальная или также музыкальная, шумовая и пр.

Изобразительное документирование Н. Б. Зиновьева противопоставляет текстовому, следовательно, для неё понятие *изобразительный текст* является невозможным. Это «документирование посредством изображения какого-либо объекта» (с. 69). Оно делится автором на графическое и фотокиновидеодокументирование. В свою очередь, графическое делится на «рисуночное документирование» и «чертёжное документирование», из которого «выросло техническое, конструкторское документирование» (с. 70). Фотокиновидеодокументирование делится на фотодокументирование и киноvideодокументирование; последнее иначе названо аудиовизуальным документированием.

Классификация «видов документирования» представлена на схеме 2 (там же). От изложенного в текстовом варианте схема отличается тем, что дополнительно выделено «аудиодокументирование», которое почему-то не совпадает с фотодокументированием, а является его разновидностью, так же, как и разновидностью киноvideодокументирования.

Н. Б. Зиновьева предлагает оригинальную иерархическую «видовую классификацию документов» (с. 71–78): она представлена в виде «генеалогического древа», произрастающего из документированной информации (деление на виды происходит снизу вверх). Такая схема показывает происхождение тех или иных видов документов, но не обеспечивает полноту деления понятия. Что остаётся (и остаётся ли) за пределами выделенных из родового понятия видов документа – неизвестно. Например, «документированная информация» переходит в один вид – «документы». Можно ли считать, что понятие *документы* исчерпывает всю «документированную информацию»? Если нет, то что из документированной информации остаётся за пределами документов, как назвать эту разновидность документированной информации?

Далее документы делятся на «документы, образующиеся в профессиональной деятельности» и «документы личного происхождения». Последние, по мнению автора, это те, в которых люди «документируют значимые события своей жизни и жизни своих близких»: фотографии, письма, дневники, воспоминания, магнитофонные и видеозаписи. При этом «большинство таких документов социального значения не имеют» и поэтому остаются «в статусе документированной информации» (с. 73). В этой характеристике содержится противоречие: с одной стороны, всё перечисленное – это документы (личного происхождения), с другой – документами они становятся только в том случае, если попадают в архивы и музеи.

В дальнейшем автор классифицирует только «документы, образующиеся в профессиональной деятельности», разделяя их на «документы родственных направлений деятельности» и «официальные документы». Из «документов родственных направлений деятельности» рассматриваются «только те, которые выполнены методом документирования» в том особом понимании документирования, которое предложено Н. Б. Зиновьевой (с. 73).

Среди них «в рамках литературного творчества» выделяется «литературно-документальный жанр: произведения, сюжет которых основывается на действительно произошедших событиях, в них описаны исторические лица с привлечением документальных свидетельств – писем, воспоминаний, газетных и журнальных публикаций тех лет, архивных документов» (там же). Н. Б. Зиновьева считает, что к произведениям этого жанра относятся и мемуары.

К результатам документального изобразительного творчества отнесены рисунки, на которых запечатлен «облик окружающей реальности», документальные фотографии и кино.

Документальная публицистика – это, по мнению Н. Б. Зиновьевой, «журнальные и газетные публикации авторов, досконально, с привлечением архивных источников, ранее вышедших документальных публикаций исследующих какие-либо вопросы, связанные с историей науки, техники, производства, литературы, искусства, политики и общественной жизни» (с. 74).

В «деятельности СМИ» автор видит «ежедневное документирование происходящих в мире событий» (там же). Однако только часть производимой СМИ документированной информации становится документом «ввиду её большой общественной значимости».

По мнению Н. Б. Зиновьевой, «документированная информация образуется на всех этапах научного исследования, начиная с постановки проблемы и заканчивая презентацией полученного исследовательского результата» (там же), но статус документов обретают лишь те, которые предполагают «документальную фиксацию результатов экспериментов, документальную систематизацию множества объектов исследования, их описание, документируемое наблюдение за их изменениями, а также программы научных исследований, заявки на гранты, конкурсы и т.д.» (с. 75). На мой взгляд, в приведённом перечне представлены слишком разнородные документы.

Однако для Н. Б. Зиновьевой все «документы, образующиеся в родственном документированию направлениях деятельности» – как бы неполноценные. Далее она предполагает рассматривать только документы «чистого» документирования, а именно официальные (там же), характеризуя их следующим образом: «Официальный документ создаётся в официальных структурах по строго установленным правилам. ... Официальные документы проходят регистрацию...» (там же).

Официальные документы делятся автором на служебные и персональные; причем первые – это те, что создаются юридическими лицами. Однако в ГОСТе Р 51141–98 дано иное толкование: «служебный документ – официальный документ, используемый в текущей деятельности организации», а «официальный документ – документ, созданный юридическим или физическим лицом, оформленный и удостоверенный в установленном порядке» [3]. Следовательно, служебные документы создаются не только юридическими лицами.

Внутри служебных документов Н. Б. Зиновьева различает «управленческие документы», – «которые имеют более узкое функциональное предназначение — обеспечение управленческой деятельности предприятия...», и «отраслевые документы», – образующиеся «в деятельности учреждений, предприятий, организаций в сфере образования, медицины, промышленности, строительства, торговли и т.д.» (с. 76). Предполагаю, что к последним относятся так называемые отраслевые системы документации, однако в изложении Н. Б. Зиновьевой получается так, что либо они не имеют своего «функционального предназначения», которое присуще только управленческим документам, либо в деятельности перечисленных учреждений не используются управленческие документы.

«Персональные документы», выделяемые как разновидность официальных, понимаются автором как документы, служащие «средством идентификации владельца, свидетельством, подтверждающим его права, возможности, квалификацию, заслуги» (с. 75). Следует отметить, что введённый Н. Б. Зиновьевой термин, очевидно, должен заменить термин *личные документы*. Последний не был стандартизирован и имеет разные значения. Замена одного из них предлагаемым термином вполне возможна, однако следовало бы объяснить, как понимаются «личные документы», оставшиеся за пределами «персональных».

Верхний уровень «видовой классификации», т.е. уровень реально существующих документов, – это универсальные, отраслевые и персональные системы документации.

Рассматривая терминологические проблемы определения документа, Н. Б. Зиновьева отдаёт предпочтение трактовке термина *документ* как юридического свидетельства, доказательства, и сожалеет о том, что этот термин в широком значении (включающем «книги, журналы, газеты, рукописи, чертежи, карты, фотографии и т.д.») вошел в энциклопедии, монографии, учебники «и в одночасье отовсюду убрать их нельзя» (с. 83). По-видимому, автор надеется, что в будущем удастся «убрать» соответствующую трактовку документа.

Для решения терминологической проблемы Н. Б. Зиновьева предлагает трактовать понятие *документированная информация* как более широкое, в которое входит *документ*. В частности, она пишет: «Документированную информацию следует определить как социальную информацию, закрепленную

различным способом на любом носителе, о фактах, событиях, явлениях объективной действительности и мыслительной деятельности человека» (с. 87). Без ущерба для дефиниции из предложенного определения можно убрать слова «различным способом на любом носителе», потому что они не устанавливают никаких границ понятия. А также слова «о фактах, событиях, явлениях объективной действительности и мыслительной деятельности человека», поскольку всё перечисленное входит в понятие *социальная информация*.

Социальную информацию мы понимаем как информацию, передаваемую в человеческом обществе (социуме) от человека к человеку независимо от того, чему посвящена информация, из каких элементов (знаков) состоит. Если в аудиальном документе «закреплено» кваканье лягушки в пруду или шум водопада, передаваемая информация все равно является социальной, потому что она зафиксирована (записана) человеком – коммуникантом – для передачи (социальной коммуникации) другому человеку – реципиенту. Можно добавить, что и «на носителе» – лишние слова.

Если очистить дефиницию от лишних слов, определение примет такой вид: «Документированная информация – это закреплённая социальная информация». На мой взгляд, такое определение вполне применимо к понятию *документа* в широком значении. Полагаю, что автор не хотел прийти к такому выводу, но предложенное определение заставляет его это сделать.

Документ же определяется автором «как разновидность документированной информации, которой придан особый статус путём признания достоверности содержащихся сведений и/или наделения полномочиями, позволяющими участвовать в социальных процессах» (там же). Такое значение соответствует охарактеризованному ранее понятию Документа VII [4. С. 23]. Такая трактовка документа – действительно одна из самых распространённых, однако она отрицает принадлежность к понятию *документ* всех других материальных объектов с записанной информацией.

Н. Б. Зиновьева пишет: «Первым признаком отграничения (очевидно, документа? – Г. Ш.) выступает признание достоверности содержащихся сведений» (с. 87). Но ведь ранее автор указывала на достоверность как отличительную характеристику самой документированной информации! В таком случае отличить документ от документированной информации проблематично.

В то же время Н. Б. Зиновьева настаивает на том, что «продукт родственных документированию направлений деятельности – научной, литературно-художественной, публицистической» не является ни документом, ни документированной информацией (с. 87–88).

Если мы откажемся от термина *документ* в широком значении, нам придётся искать иное слово, способное его заменить. Юрий Владимирович Нестерович предложил использовать «ПДЗИ» – «продукт деятельности с закреплённой информацией» или, как синоним, «фиксат» [5]. На мой взгляд, оба «заменителя» малопривлекательны. К тому же, почему мы должны искать замену слову давно известному, общепринятому, вошедшему во все языки, ставшему основой, корнем для слов, обозначающих науки, посвящённые документу? Не проще ли дать чёткие названия видам документа, в том числе таким, которые обеспечивают особую достоверность передаваемой информации?

Не будем здесь детально рассматривать предлагаемую Н. Б. Зиновьевой характеристику особенностей и видового состава официальных и служебных документов, систем документации. Наличие отдельных глав, посвящённых этим вопросам, ещё раз подтверждает принятые автором ограничения в трактовке документа. Полагаю, что этой трактовкой и объясняется «теория документирования» Н. Б. Зиновьевой.

Глава 8 «Теория документирования как научное направление» (с. 151–169) подводит итог изложенному. Автор рассматривает теорию документирования как самостоятельную научную дисциплину, не связанную с документоведением, особенно с «библиотечно-библиографическим документоведением».

Характеризуя структуру теории документирования, Н. Б. Зиновьева перечисляет вопросы, которые должна рассматривать указанная теория. Этот перечень не вызывает возражений; не понятно только, почему они не могут рассматриваться в структуре существующего традиционного (или нетрадиционного) документоведения. Метасистемой для теории документирования автор считает «социальную коммуникацию» (с. 159). Точнее было бы сказать: теорию социальной коммуникации. В таком виде этот тезис не вызывает возражений, однако возникает вопрос: возможно, между теорией социальной

коммуникации и теории документирования существует некая «промежуточная» теория, объединяющая знания обо всех документах, а не только об официальных?

Смежными с теорией документирования дисциплинами Н. Б. Зиновьева считает «архивоведение, экономику и менеджмент, правоведение, комплекс вспомогательных исторических дисциплин, информатику, лингвистику, делопроизводство и ДОУ и др.». Безусловно, этот перечень отражает особенности избранного объекта исследования. Понятно, что библиотковедение, библиографоведение, книговедение (и т.п. дисциплины) не попали в этот перечень в связи с тем, что они изучают документы иного рода, которые с точки зрения Н. Б. Зиновьевой и документами-то не являются. Отметим также, что в перечень попали не только научные дисциплины, но и области практической деятельности, что нелогично. Неясно, какая дисциплина должна изучать особенности организации и методiku делопроизводства и документационного обеспечения управления.

Подводя итог, можно сказать, что Н. Б. Зиновьева предложила свой, оригинальный, взгляд на теорию документирования и попыталась его обосновать. Её книга полезна уже тем, что будит мысль, заставляет либо согласиться с аргументацией автора, либо задуматься над её опровержением. Дискуссия по многим вопросам ещё не закончена и ждёт своих исследователей. Ряд выдвинутых автором положений и аргументов заслуживает внимания, но выводы не корректны. Главный тезис – об отказе от науки документоведения и о новой трактовке документа – остался не доказанным.

Разработанная и изложенная Н. Б. Зиновьевой теория документирования содержит ряд новаторских положений, позволяющих объяснить и конкретизировать особенности официальных, служебных, управленческих документов. Однако все они являются только видами документа и не могут заменить обобщающее понятие документа. Соответственно, предлагаемая теория документирования не может заменить документоведение, тем более документологию.

Список источников

1. **Зиновьева Н. Б.** Теория документирования : учеб.-метод. пособие / Н. Б. Зиновьева. – Москва : Информ. центр сотрудничества «Литера», 2011. – 174 с. – (Современная библиотека).
2. **Швецова-Водка Г. Н.** Документ в свете ноокоммунологии : науч.-практ. пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – Москва : Информ. центр сотрудничества «Литера», 2010. – 381 с. – (Современная библиотека ; вып. 65).
3. **ГОСТ Р 51141–98.** Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Стандарты по библиотечно-информационной деятельности. – С.-Петербург : Профессия, 2003. – С. 531–541.
4. **Швецова-Водка Г. Н.** Общая теория документа и книги : учеб. пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – Москва : Рыбари ; Киев : Знання, 2009. – 487 с. : ил.
5. **Нестерович Ю.** Концепция и классификация продуктов деятельности с закреплённой информацией / Ю. Нестерович // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань : збірка наук. праць / Київ. нац. ун-т культури і мистецтв, Ін-т держ. управління. – Київ : Четверта хвиля, 2009. – С. 28–39.